

и закрыли на замок палача Заряна, предварительно связав его и заткнув рот. Крепко ненавидели казаки этого воеводина холоуя.

Казаки же потихоньку выпустили из ворот острога Фёдора, Августа и двух их помощников, взяв с них слово, что они доберутся до Москвы и доставят челобитную до царя-батюшки про их горькое житие.

– На Пашкове – «дело и слово государево», – решили все.

Четверо беглецов сразу разделились и пошли в разные стороны. Фёдор и Август стали пробираться на север Байкала.

Шли долго, хоронились от погони, стороной обходили редкие остроги, отлёживались и отогревались в редких зимовьях. В них задерживались: Фёдор занимался охотой, запасались провизией, ладили короткие и широкие таёжные лыжи, соорудили некое подобие нарт. К «священному морю» вышли в конце января. Байкал только-только встал. Двигались по льду встреч ветра, две прибившиеся к ним дорогой собаки тянули нарты с грузом. Много пройти не удалось за первый короткий зимний день. Мешал сильный морозный ветер. Чтобы укрыться от него, свернули к скалистому берегу в бухточку. Обрадовались, разглядев в долине повыше зимовьюшко. Забывшись, ринулись вперёд, но тут же провалились по грудь в снег. Пришлось приделывать лыжи. Когда подошли к зимовью, то подумали, что оно заброшенное: провалившаяся частично крыша, слегка покосившаяся труба. Но внимательный взгляд Фёдора заметил следы на снегу, которые вели от двери за угол дома в лес. Это были следы от лыж, которые делаются здесь из тонкой еловой доски и оклеиваются шкуркой нерпы. Фёдор оглянулся на Августа и молча показал ему на след, знаком велел подождать, а сам пошёл по следу. За деревьями мелькнула тень и затаилась, но выдали собаки – свои и чужие. Август едва удерживал их за нарты. Фёдор вскинул бердыш, прицелился:

– Кто будешь? Выходи по-доброму!

Минута-две, и из-за дерева показался небольшой человек в островерхой бурятской шапке, в тёплом халате и унтах. В руках у него был лук со стрелой. Фёдор первым опустил ружьё, когда понял, что перед ним мальчик.

– Чей будешь?

«Не поймёт по-русски», – мелькнула мысль, хотел уж повторить по-бурятски (знал с десяток-другой фраз), как мальчик неожиданно с лёгким акцентом ответил по-русски:

– Я с отцом тут, – он кивнул на зимовье.

Фёдор встрепенулся, посмотрел на подошедшего Августа, молвил обоим:

– Пошли!

В дверь протянулись с трудом. Она широко не открывалась из-за намёрзшей наледи у основания. В зимовье было довольно прохладно, хотя в печи ещё тлели головёшки. Раздули огонь. Вдруг с печи послышался хриплый взволнованный голос:

– Кто тут? Сынок, ты? – мужчина пытался подвяться. При свете жировика Фёдор увидел на большом остатке солдатского мундира.

«Беглый», – подумал он.

Спустя некоторое время, когда на печи булька-

ло варево (похлёбка из толокна), Фёдор и Август дослушивали рассказ мальчика:

– Мать – бурятка, отец – русский солдат. Жили сначала в бурятском улусе недалеко от Култука. Потом налетел с отрядом монгольский бай, разгромил улус, увёл пленников и с ними мать. Мы с отцом были в тайге, вернулись к пепелищу. С тех пор живём в тайге. Да на охоте его медведь поранил. Ему всё хуже.

– Что худо, сами видим, – Фёдор подошёл к печи, приоткрыл одеяло и отпрянул:

– Антонов огонь!

– Что? – не понял немец.

– Да как тебе растолковать? Ну, нога у него мертва уже и смердит зело.

– А gangrene, – покачал головой немец. – Это скорый смерть!

Они задержались в зимовье. Однажды к вечеру солдат вдруг заговорил возбуждённо и несколько больше обычного.

– Ты, Фёдор, хошь иттить к Ангаре, а там через Енисей на Тобол целисся. Далеко не уйдёшь, здесь заводчики руки везде протянули. На всех путях драгуны беглых ловят и без разбору, аки крепостных, к заводу приписывают. То хуже рабства будет. На слово вам никто верить не станет, что вы люди вольные. На север по льду байкальскому идите, там в верховьях ещё улус бурятский есть. Не достанут вас там.

Солдат замолчал, тяжело дыша, потом вымолвил:

– Христом Богом прошу, сына моего, Ивашку, не бросайте здесь. Если в тягость вам будет, то оставьте его у бурят в улусе том. У них древний обычай добрый есть: чужих детей усыновлять. Считают, что они, сирые, в дом счастье приносят.

– Не бойся, солдат. Вот те крест – не брошу. У самого в России два сына и дочь имеются, – ответил Фёдор.

– Ещё прошу, схороните по-христиански, крест над жальником моим поставьте, помолитесь, как сможете. Данилой меня звали... Из Костромы я сам. Данила Тихонов сын Костромич...

К утру солдата не стало. Крест поставили, как и просил. Собрали пожитки, оставили в зимовье всё как полагается, по-честному, по обычаю.

Трёх собак впрягли в нарты с поклажей. Ивашка, как хозяин родной ему земли, молча пошёл впереди всех к середине Байкала.

– Зачем так далеко? Нам на север надо, а ты поперёк моря хошь? – спросил Фёдор.

– У берега опасно. Торосы ледяные. Вода здесь живая подо льдом. Старики говорят, шибко вода сердится, изо льда рвётся, оковы скинуть хочет, – ответил мальчик.

И как бы в подтверждение его слов гулкие раскаты подводного грома прокатились несколько раз. И уже у них за спиной фонтаном вверх плеснула вода и не опала вся, оставив бугорок наледи на краю разошедшейся наледи.

Снег ближе к середине Байкала был сдут ветром. И Фёдор с Августом невольно переглянувшись, осторожно ступая на уходящую в темноту, сверху прозрачную толщу льда.

Через несколько часов пути Ивашка стал с беспокойством поглядывать на вершины горных хребтов, что тянулись по западному берегу «моря».

– Что беспокоишься, сынок? И нас торопишь? – спросил Фёдор. – Мы далеко уже прошли на север изрядную часть пути. Из силушки выбились. Смотри – немец Август еле тащится, непривычна ему природа здешняя. Передохнём, присядем на нары. Вишь, какая тишина. Ветер и тот на отдых пошёл.

– Нет! Нет! – испуганно молвил мальчик, привычно поворачивая упряжку собак к светлой полосе торосов у берега.

– Да ты что командуешь? Эх развоевался борзо!

– Сарма идёт. Ветер Сарма. Она, однако, смерти нашей хочет.

В глазах мальчика был такой испуг, что Фёдор внимательнее взглянул на вершины хребта и с удивлением обнаружил, что узкая полоска облаков с большой скоростью вырастает на глазах в плотную, нависающую, серо-белую тучу, готовую обрушиться на всё расположенное внизу.

И тут он почувствовал тревогу необыкновенную, оглянулся, подхватил подмышку Августа, увлекая его за собой и следом – за упряжкой. Собаки, подчиняясь своему инстинкту самосохранения, сами понеслись к торосам, но проворный Ивашка успел-таки прыгнуть в нарты, крепко удерживая в руках поводок. Он пару раз оглянулся, что-то прокричал Фёдору, но тут воющая снежная вьюга, взметнувшая к небу вихревые столбы, закружила всё вокруг, сбивла путников с ног, распластала их на льду и понесла за собой. Некоторое время до них доносился ещё прерывистый лай собак...

На долгое время затерялись следы наших героев...

Зимой 1675 года на берегу Байкала остановилось царское посольство, направлявшееся в Китай, под руководством учёного Николая Гавриловича Сапфария. С посольством добрались до границы и Николай с Ахмедом, разыскивающие Фёдора. Их гостеприимно встретил воевода Селенгинского острога. Сапфарию предстояло вместе с посольством добираться до столицы Цинской империи Пекина и устанавливать дружеские отношения.

Сапфарию вызвал к себе Николая.

– Дело есть. Слово я боярину Хитрово дал, что буду тебе споручником в поисках отца твоего Фёдора. Мы скоро уйдём за границу, ты тут с Ахмедом на свой страх и риск остаёшься. Ахмеда я с отрядом дозорным вперёд направил, на пути обратном велел в Даурский острог заглянуть, узнать, там ли отец твой. Сколь лет прошло? Достань-ка письмо.

– Да я и так наизусть всё заучил. В лето 1669.

– Нет, ошибся ты, братец. Циферки поистертые здесь. Но если твой отец в остроге Пашкова и Аввакума застал, то они были вместе там десять лет, значит, не далее лета 1664 – когда Аввакум отозван был. Много воды утекло с тех пор. Край здесь неспокойный... Да будем надеяться, что Ахмед с отцом твоим вернётся.

– Я же сам с отрядом просился.

– Нет. Ахмед-толмач нужнее на дороге опасной. К тому же не хочу жизнью твоей рисковать... Да, слышал я, что грамоту не худо разумеешь. Тут записи мною наспех сделаны о море байкальском. Для

пользы государевой. Подиктуй мне, я перепишу. Где надо – спрашивай, растолкую.

Николай старательно вычитывает. Перо Сапфария бойко скользит по бумаге.

«...а зимнею порою мёрзнет Байкал, начинающее около Крещеньева дни и стоит до мая месяца... а лёд живёт в толщину по сажени и больше и для того на нём ходят зимнею порою санями и нартами, однако де зело страшно, для того, что море отдыхает и разделяется надвое и учиняются щели сажени по три, а вода в них не проливается по льду и вскоре сойдётся вместе с великим шумом и громом, и в том месте учинится будто вал ледяной; и зимнею порою везде по Байкалу живёт подо льдом шум и гром великий, будто из пушек бьёт (неведущим страх великий)»...

Учёный перестал писать свои записки, задумался, потом произнёс:

– Да, дивен край и богат пушшиной, рудами и необыкновенно разнообразным животным миром... Мне приходилось читать одно из посланий Авакумовых о животном мире Байкала, правда, описывает он своими названиями. Много необыкновенного в мире сем. Есть свидетельства первых землепроходцев на Байкал, архангельских и мезинских поморов, о том, что здесь водится один из видов тюленей, лахтак. Они его называли «морским зайцем». Как он мог сюда попасть? Это загадка, какую науке ещё надобно решить. А сколько ещё тайн неразведанных в краю сем?

Николай слушал с горящими глазами. Но тут вернулся отряд дозорщиков. Рассуждения учёного перебил шум за дверью. Сапфарию встал и молвил напоследок Николаю:

– Вижу в тебе, юноша честный, любознание велие. Достоин тебе пристать к землепроходцам, что новые земли государству Российскому открывают. Есть в сибирском краю сборщик податей из Тобольска – Ремезов Семён, человек зело мудр и любознателен. Постарайся к нему прибиться. Встретишь, поклон мой передай землепроходцу сему.

Учёный передал письмецо со словами:

– Тут к Семёну Ремезову и о тебе слово есть. Храни Господь тебя на путях твоих, юноша.

Сапфарию велел позвать старшего из дозорных. Николай, поклонившись, вышел, ему не терпелось увидеть Ахмеда, который принёс весть неутешительную:

– Отца твоего, Фёдора, в остроге даурском давно нет. От старожилы узнал, что бежал он от воеводы. Старик полагает, что надобно по берегам байкальским искать, что подале от кочевников и заводчиков.

– Спасибо, друг! Ты прости меня, что сокрыл я от тебя тайну одну, не по злему умыслу, а из-за матушки Марьи. Видел я числа чётко написанные в письме, коими письмо своё пометил отец, коим нам отправлял. То было уж лет десять назад. Долго плутало оно, письмецо отцово, из Сибири, пока к нам попало. Пришлось мне дату подтереть. Марья-то думала, что весть Фёдор недавно подал. А то не благословила бы в дорогу нас. А я сердцем чую, понимаешь, Ахмед, почему-то ведомо мне: жив он. Только выручить его надобно. А тут как раз посольство Сапфариёво сюда направилось, ну, матушка через

Юрка и Хитрово нас к нему и определила, так ей спокойнее, а нам в пути легче. Прости, Ахмед, вины мои. Нет у меня тайн от тебя, и эту, малую, поведал бы тебе, всё едино. Да только в душе надежда малая была: а вдруг отец всё ещё в Даурах!

– Да что ты, друг. Я бы и при тайне твоей – тогда раскрытой – всё равно с тобой пошёл бы. Сколь на свете интересного-то увидел!

Дружественное посольство Сапфариёво отправилось в Китай, то бишь, в империю Цин, где господствовали маньчжуры. А воевода селенгинского острога посоветовал Николаю с Ахмедом пережить в ближней Вознесенско-Иннокентьевской пустыни:

– Её основал недавно схимонах старец Герасим (по благословию Сибирского митрополита Корвеля) на левом берегу Ангары, в трёх верстах ниже Иркутска. Там есть деревянная церковь, срублена ограда, и кельи некие построены, хотя строительных дел ещё много.

– А примут нас? – спросил Николай, косясь на Ахмеда.

– Примут. Руки рабочие им зело нужны. А что друг-то татарин с тобой – не беда. Скажете, я прислал. Да мало ли татар крещёных в России-матушке. Да и один Господь у всех. Ну, с Богом.

Так два друга оказались в монастыре, где сразу же много стали трудиться «аки градоделъцы». В конце января в монастыре как-то по-особенному зазвонили колокола церкви. Николай взволновался:

– К вечерней службе? Да звон что-то не тот. Пойду, разведую.

Вернулся быстро, грустный.

– Царь Алексей Михайлович преставился. Теперь новый государь будет, сын его, Фёдор...

Так начался 1676 год.

В последние недели зимы, когда солнце всё чаще появлялось из-за горного хребта, в обители вдруг появился Семён Ремезов, тобольский служилый человек, «сын боярский», сборщик податей. С игуменом они беседовали о приписных землях к монастырю и о племенах «иноземцев» в округе, с которых ему, Семёну Ремезову надлежит собирать ясака в казну царскую.

Узнав о приезде, Николай с Ахмедом скоро предстали перед ним. Семён Ульянович выслушал юношу, спросил:

– Чем полезны в нашем деле государевом хитрости бытия? У Сапфариёва что делали?

– Всё, что ни прикажете, всё со старанием сладким, – заверил Николай. Ахмед же молвил кратко, указав себе на грудь:

– Толмач!

Надо сказать, что у этого чернявого юноши оказались удивительные способности к языкам. Позднее он в краях забайкальских и монгольский язык усвоил быстро, и другие тюркские языки на лету схватывал.

На следующий день Николай и Ахмед отправились с Семеном Ремезовым к «братам», племенам татаро-монголов собирать дань. Их сопровождали ещё товарищи – сыновья Ремезова и небольшой отряд казаков. В первый день Николай заметил что-то особенное в поведении Семёна: при переходах останавливается, что-то чертит в тетради, делает

пометки. Вечером, в гостеприимной юрте бурят, после угощения Семен Ремезов снова достал свою тетрадь в кожаной обложке. Николай не выдержал, подсел к нему на войлочный ковёр, скрестив ноги по-бурятски.

– Что смотришь? – спросил по-доброму Семен.

– Однако вельми интересно сие.

– Постой, допишу: «... и здесь саженой десять всего, а берег весьма горист... и название месту сему тунгусское. Как, Ахмед, повтори!

– Иркут, – живо ответил татарин.

– Ну что, Николай, а ты будешь мне помогать.

– Как? Зело любопытно по мне.

– Научу землю проходить, берега рек саженьями мерить, а где и днями пути конного; чертежи простые делать.

Много вёрст было суждено прошагать Николаю и Ахмеду, проплыть по рекам, протащиться с тяжёлым грузом по волокам на просторах Сибири рядом с Семёном Ульяновичем Ремезовым. И настанет день, когда он, Николай, вместе с Ремезовым поедет в Москву, где новый молодой российский государь оценит труд Семёна Ремезова и его помощников-сыновей по составлению первой географической карты и атласа Сибири. И ещё в первый их приезд в Первопрестольную Николай будет представлен государю как верный, неутомимый помощник Ремезовых в деле сем. Николай будет замечен царём и взят им в своё Великое посольство в чужеземные западные страны в 1696 году. И через это изменится вся жизнь Николая...

Всё это впереди, в будущем, а пока ещё на русском престоле продолжается шестилетнее царствование Фёдора Михайловича.

Николай с Ахмедом сидят у костра на берегу реки Нижней Тунгуски. Высокие языки огня взмывают навстречу звёздному небу. Всё вокруг таинственно и удивительно умиротворённо. Неописуема красота мироздания. В эти минуты Николай доверяет другу Ахмеду историю своей любви к немецкой девушке Ленхен, которую встретил в их родном Синбирске и которую памятью сердца с тех пор носит в себе; объясняет, как невыносима для него разлука с ней. И Ахмед сочувственно цокает языком...

Увлечённый новым занятием, Николай не оставлял мысли найти отца. К поиску Фёдора подключились все сопровождавшие Ремезова. В различных таёжных стойбищах спрашивали, не встречали ли в здешних краях русского.

Наконец таёжная почта принесла весть: в северо-западной части байкальского побережья в бурятском улусе видели русского с мальчиком. Николай обрадовался, но и засомневался: откуда малец?

С волнением вместе с Ахмедом добирались до указанного улуса, но увидели тут запустение и разорение. Хотели было уже назад повернуть, несолоно хлебавши, как вдруг в одной уцелевшей юрте Ахмед обнаружил бабушку-бурятку. Она сидела, безучастная ко всему на свете, и курила трубку. Ахмед из беседы с ней выяснил всё, что произошло.

Улус часто разоряли своими набегами поморы из Мангазеи. Отбирали у местных охотников пушнину, уводили женщин пленницами. После очередного набега, когда охотники вернулись из дальней тайги, на совете племени решили, что надо уходить

в другие места. Тут неожиданно в улусе появились трое: двое мужчин и мальчик. Буряты нацелили на чужаков луки со стрелами. Но мальчик заговорил по-бурятски, сказал, что это его друзья, один из них – русский, и что пришли они с добром. Через несколько дней весь улус снялся с насиженного места и ушёл вместе с чужаками в верховья Лены...

– А почему ты не ушла со всеми, бабушка? – спросил Ахмед.

– Хочу, чтобы к умершим предкам меня проводили духи родного стойбища.

В глубокой тайге, в верховьях Лены, был слышен стук топоров и лай собак. От жилья тянуло дымком. У избы с пристроем (по-видимому, это было бывшее зимовье) сидел Фёдор и мастерил соху. Ему помогал Ивашка. Немец Август хлопотал в самодельной кузне, здесь же была кустарная плавильная печь. Этому ремеслу способный немец научился, будучи в плену у богатого шорца. Всё взрослое население, состоявшее едва ли не из десятка человек, собиралось на выезд в поле, возделанного под руководством Фёдора и Августа на старой заброшенной большой поляне в тайге, покинутой углежогам. Сейчас Август готовил металлический наконечник для деревянной сохи. Дом, на крыльце которого сидел Фёдор, стоял в окружении многочисленных деревянных бурятских юрт.

Закончив работу, Фёдор, сильно прихрамывая, ушёл в избу. Пораненная нога во время скитаний на Байкале была главной причиной, почему они с Августом откладывали попытку возвращения домой (каждый, разумеется, думал о своём доме). Фёдор из-за ранения не мог, а Август не решался на одиночное плавание по опасным сибирским рекам.

Вдруг собаки яростно залаяли: в стойбище появился чужой. Это был Ахмед. Фёдор, услышав лай, выглянул наружу и остолбенел: за спиной татарина возвышался Николай.

– Миколка?! – беззвучно выкрикнул отец.

– Отец! Я, я это, Николай, ай не признаёшь уже?

Они обнялись крепко, по-мужски, с досадой вытирая набегающие на глаза слёзы. Но какая это была мелочь по сравнению с тем огромным счастьем обретения вновь родного человека, и в это счастье они всё ещё до конца не могли поверить.

– Николай! Миколка! Родной, вот уж не чаял встретить тебя в краях здешних.

– Я за тобой, отец, уж который год иду.

– Как Мария, Настенька? Живы ли, здоровы?

– Были живы, здоровы, когда я дом покидал, Слава Богу!

На крики сбежались все, кто был в стойбище.

Вечером гостям устроили праздник. Вернулись охотники, принесли добычу – кабана. Лучшие куски отдали в юрты слабых и старых, а также для гостей. Мужчины готовили большие бурятские пельмени – бозы. Ещё гостям подали на блюде из бересты приготовленную баранью голову, обложенную рёбрышками. Старик Бадай, обращаясь к гостям, сказал при этом:

– Самое вкусное мясо – всегда на косточке, а самая плодородная земля – всегда между гор.

Ивашка тут же перевёл сказанное на русский язык. Он не спускал восторженных глаз с сына Фё-

дора – Николая. Когда подносили блюдо с кушаньем, повернули его по своему обычаю бараньим носом в сторону Николая и Ахмеда.

– Это знак уважения к вам, – шепнул Фёдор Николаю и Ахмеду.

Старик Бадай обратился к Фёдору и Августу:

– Вы уйдёте от нас, вас ждёт ваша родина. Но оставьте нам Ивашку. Он породнил нас. И это ещё наш обычай – не бросать сирот. В любой юрте его примут как родного.

– Мы ещё вернёмся, – ответил Фёдор. – Ваш край стал мне новой родиной. А Ивашка пусть решает сам, согласен ли остаться.

– Я согласен, – ответил мальчик. – Остаюсь.

– Мы ещё вернёмся сюда, – повторил Николай за отцом. Он уже почувствовал, что здесь, в сибирском краю, он вышел на свою верную дорогу жизни.

Август уходил с ними.

– Кто это? – спросил Николай отца. – Что-то лицо знакомое.

– Да так, из наших краёв, в Тобольске встретил, потом всё поведаю...

Глава 17

Однажды зимой к Вознесенскому-Иннокентьевскому монастырю, что на берегу Ангары возле Иркутска, подъезжал длинный обоз. У ворот обители один из приезжих прокричал:

– По-именному повелению государя Фёдора Алексеевича и по грамоте Сибирского приказа игумен Санаксарского-Богородицкого монастыря, что на берегу реки Мокши близ Темникова (в Поволжье) Феодосия с некоторою братию прибыл в Сибирь с миссионерской целью для устройства в Иркутском наместничестве, в Верхне-Уденском уезде, на реке Селенге, впадающей в озеро Байкал, Преображенского Посольского монастыря. Впустите, во имя Отца и Сына и Святого Духа.

– Аминь, – прозвучало с внутренней стороны ограды, загремели засовы, и окованные железом ворота распахнулись.

– Милости просим, – произнёс один из привратников.

В обители приезжих уже ждали. Из Иркутска предупреждены были.

Когда обоз въезжал в ворота, то с одного возка прозвучал голос девушки:

– Мама, мы приехали? Это та обитель, коя нам надобна?

– Нет, Настенька, ещё не та, но скоро доедем. Притомилась ты, дитятко. Длинна дорога к отцу твоему. Приведёт ли только к нему? Где и как его искать? Так и неведомо.

– Не кручинься, мама. Ведь было сказано в письмеце том: «в Даурах». Сама же сколько лет о сём мне молвишь.

– Да ежели бы там он был, то, чаю, Николай с Ахмедом давно бы сыскали его и весточку о том дали. А то и сами ныне неизвестно где.

– Не думай ни о чём, Мария, положишься на волю Господа, всё у тебя сладится, – раздался рядом голос старца.

– Откуда то известно Вам, батюшка? – встрепенулась Марьюшка.

Феодосий промолчал.